

П. В. Седов

Ближние люди царя Федора Алексеевича*

В историографии сложилась традиция изучать комнатное окружение московских государей XVII в. на основе документов официального учета столичных чинов: боярских книг и боярских списков, а также разрядных записей. Эти важнейшие источники содержат систематические сведения о пожалованиях в думные и ближние чины, их службе и окладах. Однако в них отсутствуют данные о неформальных отношениях в ближайшем царском окружении.

Дополнительные возможности для изучения царского двора XVII в. дают документы дворцовых ведомств, в которых фиксировались, казалось бы, незначительные с материальной точки зрения пожалования. Однако эти царские милости были исполнены глубокого значения: они служили зримым выражением благоволения государя, становились ступенькой для продвижения по неформальной лестнице придворного успеха.

Кроме пожалования чинов и земельных владений, царская милость могла выражаться в подарках, которые воспринимались как символическое измерение придворного успеха. Это были раздачи одежды, мехов, дорогих сукон, драгоценных украшений, которые носили на парадной одежде; дорогого оружия, денег на приобретение шитого золотом и серебром придворного платья или коней; некоторым придворным выдавали деньги на приобретение двора в столице или строительство новых хором после пожара.

Как правило, подобные пожалования носили демонстративный характер и были рассчитаны на широкий круг всех причастных к придворной жизни: от думных людей до самых нижних дворцовых чинов — певчих дьяков,

* Статья написана при финансовой поддержке гранта РФФИ № 20–09–00134 А.

сторожей, истопников и т. п. Царские пожалования чаще всего объявлялись в дни церковных праздников, на именины членов царской семьи, во время торжественных застолий, царских выходов и других придворных церемоний. Эти пожалования были важнейшим средством управления правящей элитой, т. е. поощряли членов двора к верной службе, указывали на тех, кто пользовался особым царским доверием, позволяли контролировать в нужном для государя направлении действия сотен придворных, включая и тех, кто имел возможность «видеть государевы очи» лишь издалека.

Подобные милости и подарки (пожалования «в приказ») часто объявлялись «словом» какого-то близкого к государю думного или ближнего человека. В дворцовых документах находим многочисленные записи о том, кто именно «сказал» государев указ о пожаловании. Несомненно, что записи такого рода сложились на основе предшествовавшей практики устного пожалования, которое объявлялось при дворе и предполагало внимание присутствовавших. Затем царская милость обсуждалась в более широком кругу всех причастных к придворной жизни и, таким образом, молва о царской милости расходилась, подобно кругам по воде. Формирование придворного общества Московского государства, особенно заметное во второй половине XVII в., превращало царское пожалование в придворное достижение, которое становилось не менее, а то и более важным, нежели местнический статус и земельные богатства.

Интересно отметить, в каких образах и выражениях современники описывали царскую милость. В 1670 г. слуга окольничего И. Б. Милославского ревниво сетовал на благоволение Алексея Михайловича не к его господину, а к другому ближнему советнику: царь «жалует» Б. М. Хитрово, «а как бы-де указал великий государь повяску з головы у него снять, и в то б-де время и государева милость была к нам такова»¹. Данное образное сравнение царского доверия с повязкой, лишаящей самодержца возможности увидеть подлинное состояние дел, косвенно характеризует восприятие придворного успеха как несправедливое в глазах всех окружающих, кроме счастливого обладателя царской милости.

В изучении придворной жизни московского двора XVII в. есть еще одно явление, которое не привлекло пока специального внимания исследователей. Кроме царской милости, важнейшими элементами придворного успеха было покровительство влиятельных придворных. Изначальным источником такого влияния также было царское благоволение, но затем, если думный или ближний человек утверждался в царских палатах, имел случай видеть «государевы очи», докладывать «в благополучно время» самому царю, то тогда попавший «в случай» придворный сам становился источником милости. Опытные «в дворцовых обхождениях проникатели» (так историк В. Н. Татищев охарактеризовал одного из самых выдающихся ближних людей царя Федора Алексеевича — боярина И. М. Языкова) использовали в своих целях притекающих к ним придворных, собирая вокруг себя верных и обязанных своему покровителю сторонников.

Насколько заметным и значимым было подобное явление, можно судить по известному эпизоду представления царю Алексею Михайловичу Аввакума после возвращения опального протопопа из Сибири в Москву. Аввакум как сторонний наблюдатель презрительно описывает угодничество придворных перед любим, заслужившим царскую милость. Аввакум оказался у царской руки одновременно с приехавшим в Москву Симеоном Полоцким: «И вместе я и он были у царицы руки, и, видев он ко мне царицы приятные слова, прискочил ко мне и лизал меня». Алексей Михайлович «посулил» Аввакуму место справщика на Печатном дворе, «пожаловал ко мне прислал десять рублей денег, царица десять рублей же денег, Лукьян духовник десять рублей же, Родион Стрешнев десять рублей же, а дружище наше старое Федор Ртищев, тот и шестьдесят рублей казначею своему велел в шапку мне сунуть; а про иных нечева и сказывать: всяк тащит да несет всячиною»². Подобные неформальные отношения среди ближайшего царского окружения будут в центре данной работы. Автор видит свою задачу в том, чтобы проанализировать реальные механизмы придворного влияния в царствование Федора Алексеевича и проследить, как одно «поколение» доверенных царских советников и комнатных людей сменялось другим.

По свидетельству В. Н. Татищева, использовавшего недошедшее до нас сочинение Алексея Лихачева, после смерти Алексея Михайловича «остались из главных бояр, которые большую силу в управлении имели», кн. Ю. А. Долгоруков и Б. М. Хитрово. На полях рукописи к этим именам В. Н. Татищев сделал приписку: «да старых же бояр» — кн. Н. И. Одоевский; кн. Ю. А. Долгорукий и Б. М. Хитрово были «со всеми старыми бояры в согласии и у прочих людей в почтении», и «дабы они при дворе некоторые способности из рук не выпустили», Ивана Языкова и Алексея Лихачева, «твердо государю выхваляя, в милость ввели»³.

Б. М. Хитрово сам прошел тот же путь в Царской комнате, который уготовил И. М. Языкову и братьям Лихачевым. С 1636 г. Богдан Матвеевич служил стольником «в Комнате у крюка»⁴ и ухабничим⁵. Причиной возвышения незнатного алексинского дворянина стало покровительство его матери Прасковьи Алексеевны в доме боярина Б. И. Морозова, «производителя его Богданова»⁶. По словам австрийского посла Августина Мейерберга, Б. М. Хитрово сделал карьеру благодаря заступничеству кн. А. Н. Трубецкого, у которого «еще в самые молодые годы заявил свой разум на службе... заслужил его одобрение и удостоился определения на службу к царю»⁷. Врач царя Алексея Михайловича Самуэль Коллинс, хорошо знакомый с обычаями внутренней жизни московского двора, писал о Б. М. Хитрово: «Его называют шепчущим любимцем, потому что, приходя в совет, он действует всегда из-за двери»⁸. Таким образом, Б. М. Хитрово продвигал новых людей в царское окружение не каким-то новым способом, а действовал проверенным путем, которым и возвысился до одного из первых сановников государства.

Актовый материал в целом подтверждает рассказ В. Н. Татищева о покровительстве Языкову и Лихачевым со стороны Б. М. Хитрово и других «старых бояр». Но, как это нередко бывает, его позднее свидетельство, написанное со слов участника событий А. Т. Лихачева, выхватило из многообразия придворных коллизий лишь одну линию, связанную с Языковыми и Лихачевыми и их боярами-покровителями. В действительности комнатное окружение царя Федора Алексеевича было более многочисленным и разнообразным по составу.

20 февраля 1676 г. А. Т. Лихачеву было указано быть «в Комнате у крюка»⁹. В этой должности он состоял и при Алексее Михайловиче¹⁰ и поэтому свидетельство о том, что «старые бояре» заступались за него перед государем, следует понимать как сохранение Алексеем Лихачевым прежнего значения комнатного человека при новом государе.

Подтверждение известия В. Н. Татищева о покровительстве Алексею и Михаилу Лихачевым со стороны «старых бояр» находим в письме игумена Костромского Сыпанова монастыря Харлампия из Москвы в свою обитель. На протяжении нескольких лет боярин кн. Н. И. Одоевский и братья Лихачевы вместе содействовали строительству и украшению собора этой обители.

Власти Сыпанова монастыря нашли влиятельного покровителя в царском окружении — боярина кн. Н. И. Одоевского, который имел неподалеку от монастыря вотчинные села и боярскую усадьбу и был духовным сыном казначея Сыпанова монастыря Игнатия. 9 декабря 1674 г. игумен Харлампий писал, что родственник казначея Игнатия — дьякон Патрикей, «радеет... чтобы меня признать к Алексею и Михаилу Лихачевым, а они вельми к государю близки и доступны, а к пустыням вельми они о всяком строении радеют, чтоб нам о всяком строении о царских дверех в соборе и о настоящих иконах, о евангелии, и о всякой утвари государю побили челом, а их заступление, что им то дело приказано, на них лежит. А о денгах на церковное дело, то не их». Дело сладилось благодаря стараниям Алексея и Михаила Лихачевых, и весной следующего года в монастыре началось строительство каменного Рождественского собора. При подготовке фундамента были обнаружены нетленные мощи преподобного Пахомия. Примечательно, что это произошло 5 мая 1675 г., на память священномученицы Ирины — небесного покровителя крестной царевича Федора Алексеевича, царевны Ирины Михайловны. Собор был «совершен» 10 августа 1676 г. и освящен 6 октября 1678 г. Все иконы, включая деисус, были пожертвованы царем и написаны в доме боярина кн. Н. И. Одоевского его дворовыми людьми под руководством иконописца Федора Устюжанина, о чем кн. Н. И. Одоевский известил своего духовного отца казначея Игнатия в письме¹¹.

Семьи кн. Одоевских, Хитрово и Лихачевых были связаны еще и через общий для них московский Новодевичий монастырь. Здесь были похоронены: жена боярина кн. Н. И. Одоевского — Евдокия Федоровна, жена боярина и дворецкого Б. М. Хитрово — Мария Ивановна, а также его дочь, жена боярина и дворецкого В. Ф. Одоевского — Акулина Федоровна и родная сестра братьев

Лихачевых (жена думного дворянина В. Я. Дашкова, похоронена в монастыре 24 декабря 1680 г.)¹².

Боярин кн. Ю. А. Долгоруков также покровительствовал братьям Лихачевым. 27 декабря 1676 г. он «докладывал в Комнате» об окладе М. Т. Лихачева и добился его увеличения до 140 руб.¹³

Активным участником придворной жизни времени царя Федора Алексеевича стал окольный И. М. Милославский (боярин с 27 июня 1676 г.). В конце царствования Алексея Михайловича стараниями А. С. Матвеева его удалили от двора, а теперь царский родственник становится ключевой фигурой. По свидетельству В. Н. Татищева, И. М. Милославский, «не приехав еще в Москву, прислал от себя роспись, кому с ним в котором приказе товарищем быть. Которых немедленно определили, и оные были наиболее из его приятелей, нежели люди дела знающие, а иных ему представили хитростию из людей ему ненадежных»¹⁴. По словам иноземного офицера Л. Фабрициуса, к весне 1677 г. И. М. Милославский «был знатен и могущественен, делал все, как ему вздумается. Он был богат и внушал молодому царю все, что хотел»¹⁵. В 1678 г. представители Иверского монастыря в Москве весьма точно описали значение одного из ключевых помощников И. М. Милославского — думного дьяка Аверкия Кириллова: «...Новгородской приказ и Большая казна, и Приход Большой, и иные приказы... велено ведать боярину Ивану Михайловичу Милославскому с товарищи, а он, думной Аверкей, в тех же приказах с ним боярином ведает. И боярин его гораздо бережет, ничего с него не снимает, тем и мочен гораздо»¹⁶. Царское доверие И. М. Милославскому через него проецировалось на выдвинутых боярина. Подобная передача полномочий от царя к ближнему человеку и далее по нисходящей была основой придворного влияния. Думный дьяк А. С. Кириллов получил от своего патрона И. М. Милославского своего рода кредит доверия и сам стал «мочен гораздо».

Рекомендовав Языковых и Лихачевых в Царскую комнату, влиятельные «старые бояре» не выпустили из своих рук рычаги управления. По словам участника голландского посольства, в марте 1676 г. Б. М. Хитрово «у нынешнего царя получил наибольшее влияние из всех министров»¹⁷. В том году Б. М. Хитрово чаще других ближних людей объявлял царские указы: о пожаловании подьячих приказа Тайных дел в дьяки — Петра Кудрявцева (29 февраля) и Еремея Полянского (5 марта)¹⁸; 12 марта — о назначении дьяка Афанасия Лодыгина в Каменный приказ (в данном случае это было продвижение своего ставленника: 29 февраля Б. М. Хитрово «сказал» государев указ о пожаловании того же А. Лодыгина «из конюшенного чина» в дьяки)¹⁹. 30 мая словом Богдана Матвеевича было объявлено о пожаловании стряпчего кн. Ю. Ю. Барятинского в стольники²⁰.

22 июня Б. М. Хитрово был пожалован в дворецкие²¹ и в тот же день «сказал» указ о переводе стряпчего кн. И. П. Львова в стольники²². На Рождество 25 декабря дворецкий объявил о пожаловании в стольники кн. Ф. И. Мещерского,

И. А. Мусина-Пушкина и В. О. Хитрово²³. В 1677 г. «словом» Б. М. Хитрово были объявлены пожалования в стольники стряпчего И. Я. Меньшого Колычова (29 мая)²⁴.

знаком высокого доверия было объявление Богданом Матвеевичем необычного царского указа о наказании приказных дьяков, которые не пустили на свои дворы государевых певчих, славивших Христа на Святках 1676/1677 г.: «...они то учинили дуростью своею негораздо, и такова безстрашия никогда не бывало, что его государевых певчих дьяков, которые от него, великого государя, Христа славить ездят на дворы, к себе не пущать; и за такую дерзость и безстрашие быть им в приказах бескорысно и никаких почестей и поминков ни у ково ничево ни от каких дел не имать»²⁵.

1 ноября 1676 г. Б. М. Хитрово объявил царский указ о назначении «в Переднюю у крюка» Никиты Нефедьева сына Непоставова вместо Василья Нальянова²⁶. Таким образом, при покровительстве Б. М. Хитрово на обеих должностях «у крюка» — в Комнате и в Передней оказались его выдвиненцы. К этому следует добавить, что Б. М. Хитрово и сам часто находился в царских хоромах. Так, 4 ноября казначей И. Б. Камынин «отнес» сукна «к великому государю вверх», а «принял» их в хоромах Б. М. Хитрово²⁷.

Выразительным фактом влияния Б. М. Хитрово в царских хоромах стал эпизод 2 февраля 1677 г., связанный с изготовлением в Архангельский собор золотого «креста благословенного» в знак поминания усопшего царя Алексея Михайловича. Для этого креста Федор Алексеевич выделил скопленные им, «как он был в царевичах», золотые (другую часть золотых пожертвовали старшие царевны). В деле поминовения усопшего отца государю помогали ближайшие комнатные люди: 460 «хоромных» золотых «выдал из золотой коробочки» царский дядька боярин И. Б. Хитрово, принял их стряпчий с ключом М. Т. Лихачев, «а сказал: принял у него те золотые великий государь сам в деревянных хоромах в третьей комноте» и отдал их боярину Б. М. Хитрово²⁸.

В самые первые недели и месяцы нового царствования, пока Федор Алексеевич недомогал, к нему имели доступ старые бояре, которые окружили юного государя своим вниманием и заботой. Царские дядьки кн. Ф. Ф. Куракин и И. Б. Хитрово обвинили главу Аптекарского приказа А. С. Матвеева в том, что он не выпивал остаток лекарств, которые подавал царю²⁹. Некогда всесильный боярин не смог оправдаться по поводу этого безосновательного навета. В первую неделю февраля боярин кн. Н. И. Одоевский сменил боярина А. С. Матвеева на посту главы Аптекарского приказа³⁰. «В Комнату» были пожалованы: 5 февраля боярин кн. Г. С. Куракин, 13 февраля — боярин кн. И. Б. Репнин³¹.

Первые признаки улучшения царского здоровья и возможность его выхода из хором потребовали ввести в его ближайшее окружение новые лица. 7 мая 1676 г. кравчий кн. П. С. Урусов был пожалован в бояре, а 9 мая на эту ключевую должность заступил внук боярина кн. Н. И. Одоевского — кн. Василий Федорович; 25 июля государь повысил его статус, повелев писать выше

окольничих «для того, что он тою честью пожалован с путем»³². Уже три поколения этой семьи несли службу в спальниках, после чего добивались пожалования в ближние бояре³³. Наследственный характер комнатной службы в семье кн. В. Ф. Одоевского замечен не только по мужской, но и по женской линии: его супругой была Акулина Федоровна, урожденная Ртищева — дочь известного окольничего³⁴. Ф. М. Ртищев прошел долгий путь комнатной службы: от стряпчего «в Комнате у крюка» и стряпчего с ключом до постельничего и окольничего.

С самого начала царствования Федора Алексеевича дед кн. Василия Федоровича — кн. Никита Иванович возглавил ключевой в дворцовый приказ — Аптекарский. Еще не будучи судьей этого приказа, кн. В. Ф. Одоевский стал носить больному царю Федору лекарства³⁵. Кравчий объявлял царские указы о пожаловании стряпчего И. И. Лихарева в стольники³⁶, принимал в Передней доставляемые для государя вещи³⁷, письмом извещал о том, кому из думных людей сопровождать царя в походе³⁸. Царь жаловал своего ближайшего комнатного слугу утварью и книгами в его домовую церковь³⁹.

Влияние кравчего выходило далеко за пределы его прямых обязанностей в Царской комнате. В 1678 г. келарь Успенского Тихвинского монастыря Иринарх сообщил из Москвы в родную обитель: «...принял у меня челобитную кн. Василей Федорович Одоевской, рекся, хотел пожаловать заступить и челобитную думными пометить»⁴⁰.

8 мая 1680 г. кн. В. Ф. Одоевский был пожалован в дворецкие⁴¹ и возглавил приказ Большого дворца (1680–1686)⁴². Свое влияние в Царской комнате кн. В. Ф. Одоевский сохранял и после смерти Федора Алексеевича. В июне 1682 г. стряпчий Валдайского Иверского монастыря сообщил о нем: «...безпрестанно у великих государей вверху и сверху мало съезжает»⁴³.

Важную роль в комнатном окружении играла мамка Федора Алексеевича — Анна Петровна Хитрово. Об увеличении ее влияния свидетельствуют многочисленные пожалования в стольники и стряпчие ее родни. Анна Петровна имела трех родных сестер: Аксинью, Афимью и Арину. Последняя была замужем за стольником Богданом Васильевичем Яковлевым. В начале царствования Федора Алексеевича многочисленный род дворян Яковлевых был пожалован новыми чинами. 2 марта 1676 г. родной племянник Анны Петровны — Иван Богданович Яковлев был пожалован из житья сразу в стольники⁴⁴ и исполнял в царском окружении почетную и важную должность ухабничего еще до пожалования в спальники 30 мая 1677 г.⁴⁵, что было большой редкостью, поскольку во второй половине XVII в. ухабничих обычно назначали не из рядовых стольников, а из спальников⁴⁶.

Двоюродные братья И. Б. Яковлева были пожалованы в том же 1676 г.: Мирон Иванов сын — в стряпчие (3 июля), Даниил Иванов сын — в стольники (25 декабря). Прокофий Васильев сын Яковлев (деверь Арины Петровны Яковлевой) стал стольником 22 ноября 1676 г. Прочие Яковлевы тоже пошли

в гору: Роман Аристархов сын 15 июля 1676 г. пожалован из стряпчих в стольники; его сын Федор стал стряпчим 13 марта 1676 г., а 8 июня того же года уже стольником; другой сын, Михаил, 14 июля 1676 г. пожалован в стряпчие. Евсевий Андреев сын Яковлев пожалован в стряпчие 10 декабря 1676 г.

Милость роду Яковлевых, пролившаяся на них в первые месяцы правления Федора, была бы невозможна без надежной «заступы» в ближайшем царском окружении, пристекавшей от Анны Петровны Хитрово.

Наряду с братьями Лихачевыми «старые» бояре «в милость ввели» И. М. Языкова, главным покровителем которого был Б. М. Хитрово. Еще в 1673 г. стряпчий Покровского суздальского монастыря сообщал из Москвы, что третий судья Судного дворцового приказа И. М. Языков ничего не делает без доклада своему начальнику боярину Б. М. Хитрово: «О всем-де доложу боярина Богдана Матвеевича, как-де ни укажет»⁴⁷.

Память 14 августа 1676 г. предусматривала три значимых пожалования в ближайшем царском окружении и дворцовом управлении: стольник И. М. Языков стал постельничим, а на его место судьей Судного дворцового приказа был назначен М. Т. Лихачев, одновременно произведенный в стольники; в спальники пожаловали Андрея Иванова сына Чирикова⁴⁸.

Формальные и неформальные полномочия и обязанности постельничего были велики. Постельничий ведал московскими чинами, назначенными в походы за государем, а значит, наиболее привилегированная часть стольников и стряпчих, записанные в «походные летние» и в «походные зимние», оказывались под его контролем. 14 октября 1676 г. И. М. Языков «сказал» царский указ об отставке стольника Д. И. Исленева «от походов»⁴⁹.

Как ближайший к Федору Алексеевичу человек, И. М. Языков получал возможность выхлопотать у государя пожалования в чин для своих ставленников. Он «сказал» царские указы о пожаловании в стряпчие Якова Захарьева сына Матюшкина (13 сентября 1676 г.) и в стольники кн. Михаила Иванова сына Вяземского (21 ноября 1676 г.)⁵⁰.

Придворные обретали особые царские милости через заступничество нового царского любимца: 22 сентября 1676 г. Федор Алексеевич пожаловал свою одежду двум спальникам: опашень «зуфь черна» — Михаилу Федорову сыну Ртищеву, сыну известного окольного; и шапку «сукно черно с соболем» — Ивану Иванову сыну Колычеву; царский указ в обоих случаях «приказал записать» И. М. Языков⁵¹. Двор еще не снял траура после смерти Алексея Михайловича, и пожалование соответствующей одежды и тканей спальникам было материальным выражением царского благоволения. Несомненно, что обласканные царем спальники гордились столь драгоценными деталями своего гардероба; окружающие обсуждали эти символические знаки придворного успеха, как и то, что они были дарованы при посредничестве нового царского постельничего, ставшего ключевой фигурой в царских хоромы. 27 сентября царь «изволил быти своей государевы Мастерские полаты в большой казне»

и пожаловал одеждой и дорогими тканями своих комнатных людей: из платья царя Михаила Федоровича царский дядька боярин кн. Ф. Ф. Куракин и постельничий И. М. Языков получили по однорядке; об остальных пожалованиях царский указ объявил постельничий: спальнику Ивану Алексееву сыну Головину — «сафьян черной», стряпчему «у крюка» А. Т. Лихачеву — сафьяны и зуфи, карлу Петру Бисереву «дороги кашанские осиновые»⁵².

Ближайшие к государю комнатные люди буквально собственноручно раздавали царское жалование. 9 декабря 1676 г. в селе Павловском «в передних сенях» И. М. Языков и М. Т. Лихачев раздавали «по рукам» сукна и меха стрелецким командирам, которые сопровождали государя в недавних подмосковных походах. Исполняя царскую волю, ближние комнатные люди выступали своего рода ее олицетворением⁵³.

Знаком упрочения И. М. Языкова в царских хоробах стало пожалование его сына Семена из стольников Натальи Кирилловны в спальники 14 января 1677 г.⁵⁴ Самостоятельного значения в царских хоробах сын царского постельничего не имел: не известно фактов объявления им царских указов, а также его писем с изложением поручений государя. При этом С. И. Языков получал обычные пожалования наряду с другими спальниками и только один раз выделен особенной царской милостью: 11 марта 1679 г. был награжден «верхом» с ездового царского кафтана⁵⁵. Однако с ростом значения отца С. И. Языков все же занял привилегированное положение: 5 сентября 1681 г. стал чашником — чин, специально введенный для него⁵⁶. По-видимому, Семен Иванович действовал в тени своего влиятельного отца, представляя многочисленный клан Языковых в царском окружении. Он был женат на дочери кн. И. М. Коркодинова, который благодаря родству с И. М. Языковым был пожалован в окольничие и возглавил важнейший Поместный приказ⁵⁷.

Со временем И. М. Языков стал объявлять государевы указы не только о пожаловании сукном или платьем, но и о военных делах, что, строго говоря, не входило в прямые обязанности постельничего. 21 июня 1677 г. он известил письмом думного дьяка В. Г. Семенова о царском распоряжении боярину кн. П. И. Хованскому выступить из Москвы во Мценск для командования войсками⁵⁸. 20 июля 1677 г. И. М. Языков докладывал Федору Алексеичу в селе Коломенском о посылке денежной казны в полк боярина кн. Г. Г. Ромодановского: поначалу этот вопрос должен был решить боярин И. М. Милославский, но по отъезде боярина из Коломенского «сказал о том при государе Иван Максимович»⁵⁹.

Затем И. М. Языков стал вникать в дела военного управления и внешней политики. 1 сентября 1677 г. мать известила своего сына боярина кн. В. В. Голицына о том, что на заседании Думы дело о награждении за военный поход было решено в пользу его соперника воеводы боярина кн. Г. Г. Ромодановского: «...а все то, свет мой, зделали Богдан Матвеевич Хитров да Иван Максимович Языков, да дьяк (думной. — П. С.) Василей Григорьевич Семенов, а то, свет мой,

все было говорили бояре, что было дать тебе такая грамота»⁶⁰. В данном деле царский постельничий действовал согласно намерению своего покровителя.

В письме 20 ноября 1677 г. И. М. Языков известил главу Посольского приказа думного дьяка Л. И. Иванова о царском распоряжении послать к польскому королю соболей на тысячу рублей и доверии главе Посольского приказа по частным вопросам действовать без доклада государю: «...а имя ево указал великий государь писать и без него в Посолском приказе»⁶¹.

Влияние И. М. Языкова не сразу превратило его в первостепенного царского советника. 25 апреля 1678 г. Федор Алексеевич был «на Казенном дворе в большой казенной палате» для выбора серебряной посуды; его сопровождали бояре И. М. Милославский, И. Б. Хитрово, думный постельничий И. М. Языков, стряпчий с ключом М. Т. Лихачев и стольник «у крюка» А. Т. Лихачев⁶². В этом домашнем деле царь полагался на нескольких комнатных советников, среди которых постельничий, по крайней мере, формально не занимал первое место.

Выступая передатчиком царской воли, И. М. Языков иногда сам писал письмо приказному судье с ее изложением, но чаще велел это сделать другим лицам. В августе 1678 г. разрядный дьяк Л. Домнин писал главе Разрядного приказа думному дьяку В. Г. Семенову: «...великого государя очей бояря не видали, и я видеть не сподобился ж... Выходил, государь, ис хором постельничей Иван Максимович Языков и сказывал великого государя указ, чтоб тебе вестно учинить, что указал он, великий государь, к троицкому объезду изготовить за постельным воском жилцов сто человек, для того, что его, великого государя, походу будут смотреть полские послы»⁶³. В данном случае Федор Алексеевич не пожелал принять в своих хором думных людей и доверил объявить свою волю постельничему, который безотступно находился рядом с государем. Подобного рода объявлений царских указов по многочисленным делам дворцового и государственного управления было много, и И. М. Языков воспользовался подвернувшимся приказным, чтобы тот уже письменно известил нужное ведомство о царском повелении. Тем самым в неформальном механизме управления И. М. Языков становился своего рода «передаточным ремнем» — отдавал устные распоряжения приказному аппарату, а значит, был докладчиком перед государем по этим делам. Он выходил из царских хором, куда даже сами бояре могли войти лишь с разрешения государя (дверь им должны были открыть комнатные люди, стоявшие «у крюка» в Передней и Комнате) и с подобающим почтением объявлял указ самодержца; присутствовавшие становились исполнителями высочайшей воли, выраженной устами постельничего.

Постепенно И. М. Языков стал контролировать государственные дела, далеко выходившие за пределы его комнатных обязанностей. С 1679 г. Федор Алексеевич начал оказывать опальному патриарху Никону знаки своего благоволения и 12 марта распорядился послать в Кирилло-Белозерский монастырь «монаху Никону на милостыню сто рублей»; государев указ о том «сказал» И. М. Языков⁶⁴. В дальнейшем это расположение царя к Никону вылилось

в противостояние с патриархом Иоакимом, когда по совету Симеона Полоцкого возникла идея учредить в России папу (это место прочили С. Полоцкому), подчинить ему четырех патриархов, одним из которых оставался бы Иоаким. Тем самым ближайшее царское окружение предполагало избавиться от неуступчивого главы церкви, который выступал против увлечения царя польским обычаями. Участие И. М. Языкова в этой интриге позволяет увидеть в нем не только ловкого придворного, но и государственного мужа, допущенного к важнейшим делам державного правления.

Дальнейшее возвышение И. М. Языкова связано с царским браком. Государь избрал в жены Агафью Симеоновну Грушецкую, которая происходила из польской шляхетской семьи, выехавшей в Россию в конце XVI в. Как известно, боярин И. М. Милославский решительно выступил против этого брака, но стараниями И. М. Языкова и братьев Лихачевых был опорожен перед государем. Молодая царица сочувствовала обычаям своих прежних соотечественников: при ее участии и поддержке Федора Алексеевича при московском дворе появились женские головные уборы, оставлявшие волосы замужних женщин открытыми. В мужском придворном платье были отменены наиболее одиозные старомосковские одеяния: охабни и однорядки. Впервые царица стала появляться вместе с государем перед подданными. И. М. Языков и братья Лихачевы самым непосредственным образом приняли участие в этих нововведениях.

После свадьбы с Агафьей Симеоновной утвердившиеся в царских хоромы ближние люди стали продвигать и покровительствовать новой царской родне. После смерти Б. М. Хитрово 27 марта 1680 г. его выдвигенец И. М. Языков сам стал выступать в роли покровителя, продвигая своих ставленников. 23 июля 1680 г. И. М. Языков распорядился выдать «в приказ» 50 руб. стольнику Василию Фокину сыну Грушецкому⁶⁵.

Клан Языковых-Лихачевых, их родственники и ставленники овладели всем дворцовым управлением. 16 августа 1680 г., на праздник Нерукотворенного образа Господня И. М. Языков пожалован в окольничие и оружейничие с повелением ведать Оружейную, Золотую и Серебряную палаты⁶⁶. Главой Царицыной Мастерской палаты стал Никита Иванович Акинфов (1680–1682)⁶⁷ — племянник Павла Петровича Языкова⁶⁸. 13 февраля 1681 г. П. П. Языков пожалован в казначей⁶⁹.

И. М. Языков и его семья пользовались особенным расположением Агафьи Симеоновны. 31 августа 1680 г. боярыня царицы Марья Матвеевна Грушецкая приняла в ее хоромы сукна и сказала, что это жалование жене, дочери и невестке И. М. Языкова «на шубки и на летники»⁷⁰. Аналогичное пожалование жене И. М. Языкова — Марье Федоровне, его дочери и невестке было сделано 18 октября 1680 г.⁷¹

13 февраля 1681 г. родной племянник братьев Лихачевых⁷² стольник Иван Большой Васильев сын Дашков был пожалован в спальники «х крюку»⁷³, т. е. занял то место, которое до него занимал А. Т. Лихачев. Спальник «у крюка»

имел право пользоваться царским перстнем, которым во дворце запечатывали сундуки с ценными предметами⁷⁴.

Смерть Агафьи Симеоновны и ее сына царевича Ильи в июле 1681 г. открыла новую страницу придворной жизни. И. М. Языков и братья Лихачевы уговорили царя вновь жениться, несмотря на предостережения врачей из-за слабого здоровья Федора Алексеевича.

Новый брак был устроен все тем же придворным кланом. Обычно с приходом новой царицы сменялся и ее дворецкий — глава Царицыной Мастерской палаты. Однако Н. И. Акинфов сумел удержать этот пост после второй царской свадьбы, потому что Федор Алексеевич выбрал в жены его родственницу. Новой царицей стала Марфа Матвеевна Апраксина, дядя которой Степан Богданов сын Ловчиков⁷⁵ приходился дядей и Н. И. Акинфому⁷⁶.

На царскую свадьбу 15 февраля 1682 г. допустили только самый узкий круг комнатных людей и именно окольникову П. П. Языкову было велено стоять у запертых Спасских ворот и «круг Кремля указана была и ворота ведать»⁷⁷.

При новой царице И. М. Языков продолжал распоряжаться формированием ее штата. 21 февраля 1682 г. он «сказал» царский указ о пожаловании в стольники царицы Михаила и Матвея Алексеевых детей Ржевских, а 2 марта — Андрея Васильева сына Языкова⁷⁸. Дядя Марфы Матвеевны — С. Б. Ловчиков тоже хлопотал о том, чтобы вокруг его царственной родственницы были преданные ему люди: 1 апреля 1682 г. он объявил царские указы о назначении в ее стольники Ю. А. Ржевского и Д. А. Бестужева⁷⁹.

После смерти царя Федора Алексеевича С. Б. Ловчиков оставался самым близким к царице человеком. На выносе тела царя в Архангельский собор 28 апреля 1682 г. Марфу Матвеевну из хором до Красного крыльца несли спальники: С. Б. Ловчиков и три брата царицы — Петр, Федор и Андрей Матвеевы дети Апраксины⁸⁰.

Среди ближних людей царя Федора Алексеевича находим еще людей второго и третьего ряда, которые не выделены в боярских списках в отдельный чин, и потому исследователи не обращали на них специального внимания. К ним относятся шатерничий и истопничий.

6 августа 1671 г. Михаил Яковлев сын Истомин был пожалован в московские дворяне с пометой «шатерничей»⁸¹. В этом чине и должности он без перерыва служил в последние годы царствования Алексея Михайловича и на протяжении всего правления царя Федора⁸². 7 октября 1675 г. Федор Соймонов сын Меркулов был пожалован в московские дворяне с пометой «истопничей»⁸³. В этом чине и в этой должности он прослужил все царствование Федора Алексеевича⁸⁴.

Тот факт, что шатерничий и истопничий оставались при своих должностях на протяжении длительного времени, когда преобладающее влияние Нарышкиных и Милославских несколько раз сменяло друг друга, свидетельствует в пользу того, что эти должности не рассматривались как ключевые в плане

придворного влияния и приставленных к ним людей ценили более за добросовестное исполнение своих обязанностей.

Среди ближних людей находим и тех, кто формально не имел специальной дворцовой должности, но был приставлен к определенному делу, имевшему исключительное дворцовое значение.

6 сентября 1674 г. жилец Михаил Степанов сын Мертвого был пожалован в московские дворяне с пометой «у дела в Новодевичье монастыре»⁸⁵. В этом чине и при этих обязанностях он прослужил до октября 1677 г., когда был назначен судьей Судного дворцового приказа под началом боярина Б. М. Хитрово (ранее эту должность занимал И. М. Языков)⁸⁶. Новодевичий монастырь принадлежал к московским обителям, тесно связанным с царским двором, в особенности с царевнами. Это обстоятельство позволило М. С. Мертваго выслужить при царевне Софье чин думного дворянина⁸⁷ и снискать ее особенную милость. Об этом подробно писал иверский старец в свою обитель в августе 1682 г.: игуменья игумения Новодевичья монастыря «нам со всяким подкреплением говорила, чтоб ево, Михаила Степановича, во всем ласково милости просить и бити челом безотступно, потому что он безпрестанно пред государи и пред царевною в Комноте». Представители Иверского монастыря ездили на двор к М. С. Мертваго с подношением, «и ево в доме не застали, был в Девиче монастыре для ради смутного времени, и мы к нему ездили в Девич монастырь... о он рекся по милости государыни царевны то дело переделать»⁸⁸. Служба М. С. Мертваго, «у дела в Новодевичье монастыре» позволила ему затем получить место в Судном дворцовом приказе, думный чин, особенную милость царевны Софьи и стать вхожим в ее Комнату.

Таким образом, в короткое царствование Федора Алексеевича произошло заметное обновление состава комнатных людей. «Старые» бояре и кн. Ю. А. Долгоруков, кн. Н. И. Одоевский, Б. М. Хитрово ввели в царскую комнату своих ставленников И. М. Языкова и братьев Лихачевых. Затем последние аналогичным образом представили царю своих людей, которые служили «у крюка» в Комнате и в Передней. При их участии Федор Алексеевич выбрал себе обеих жен, а после свадеб они же объявляли царские указы о пожаловании в московские чины новой царской родни.

Царские комнатные люди радели за своих родственников и свойственников, продвигали их в Царскую комнату. Тем самым ближайшее комнатное окружение Федора Алексеевича сохраняло свое влияние в царских хоробах. По сути, этот процесс был самообновлением комнатного окружения. Назначения в Царскую комнату производились не иначе как по царскому указу, но именно ближние люди представляли самодержцу кандидатов на ключевые должности в дворцовых хоробах. В этом проявлялись две стороны придворной элиты: ее прямая зависимость от самодержца и вместе с тем относительная самостоятельность в следовании своим родственным и клановым интересам.

- ¹ РГАДА. Ф. 27. Оп. 1. Д. 564. Ст. 1–3.
- ² Житие протопопа Аввакума. М., 2011. С. 62, 371.
- ³ *Татищев В. Н.* История Российская. Л., 1968. Т. VII. С. 172.
- ⁴ Боярская книга 1639 г. М., 1999. С. 68.
- ⁵ Дворцовые Разряды. СПб., 1851. Т. II. Ст. 525, 528.
- ⁶ История о невинном заточении ближнего боярина Артемона Сергеевича Матвеева. М., 1785. С. 385–386.
- ⁷ *Мейерберг А.* Путешествие в Московию // Утверждение династии. М., 1997. С. 91.
- ⁸ *Коллинс С.* Нынешнее состояние России // Там же. С. 223–224.
- ⁹ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Стб. 508. Л. 158.
- ¹⁰ А. Т. Лихачев имел чин «стряпчего с крюком» еще в 1671 г. (Переписные книги города Москвы 1665–1676 гг. М., 1886. С. 168). В 1678 г. Федор Алексеевич пожаловал А. Т. Лихачева за то, что при его отце «был в Комноте» (РГАДА. Ф. 210. Московский ст. Стб. 538. Л. 375).
- ¹¹ Вологодские епархиальные ведомости. 1896. № 20. С. 513–515.
- ¹² Историческое описание московского Новодевичьего монастыря. М., 1885. С. 61–62, 81–82, 85–87.
- ¹³ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Ст. 484. Сст. 7 – 9 об.
- ¹⁴ *Татищев В. Н.* История российская. Т. VII. С. 172.
- ¹⁵ Записки иностранцев о восстании Степана Разина. Л., 1968. С. 70.
- ¹⁶ Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2716. Сст. 72, 79; Д. 2802. Сст. 4.
- ¹⁷ Посольство Кунраада фан Кленка к царям Алексею Михайловичу и Федору Алексеевичу. Рязань, 2008. С. 459.
- ¹⁸ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Стб. 508. Сст. 164, 166.
- ¹⁹ Там же. Сст. 163–165.
- ²⁰ Там же. Стб. 501. Сст. 904.
- ²¹ Там же. Боярские списки. № 14. Л. 2. Для практики пожалования чинами важно отметить, что 21 августа патриарх благословил Б. М. Хитрово «ради того, что ему сказана честь дворчество июня в 20 день» (Материалы для истории, археологии и статистики московских церквей. М., 1884. Стб. 998). Таким образом, дату в боярском списке следует рассматривать не как дату пожалования, а как дату записи.
- ²² Там же. Столбцы Московского стола. Стб. 501. Сст. 968.
- ²³ Там же. Стб. 484. Сст. 63.
- ²⁴ Там же. Стб. 522. Сст. 196.
- ²⁵ Там же. Стб. 525. Сст. 470.
- ²⁶ Там же. Стб. 484. Сст. 1116.
- ²⁷ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 252. Л. 29.
- ²⁸ Там же. Оп. 1. Д. 16403. Сст. 1.
- ²⁹ История о невинном заточении. С. 7–10, 157–158.
- ³⁰ *Богоявленский С. К.* Московский приказной аппарат и делопроизводство XVI–XVII веков. М., 2006. С. 39.
- ³¹ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Стб. 508. Л. 122, 136.
- ³² Там же. Боярские списки. № 14. Л. 4; Столбцы Московского стола. Стб. 501. Сст. 1536.
- ³³ Подробнее о придворной и комнатной службе кн. Одоевских в XVII в. см.: *Sedov P. V.* K istorii boiarskoj sem`i XVII v. Sem`ia kniazia Nikity Ivanovicha Odоеvskogo // Cahiers du monde russe. 2016. N 57 (2–3), April–septembre. P. 311–341.
- ³⁴ Брак состоялся в 1668 г. (*Кашкин Н. Н.* Родословные разведки. СПб., 1912. Т. I. С. 446).
- ³⁵ 25 февраля 1676 г. (РНБ ОР. Ф. 532. Оп. 2. Д. 4619. Сст. 14)
- ³⁶ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Стб. 484. Сст. 119.
- ³⁷ Дорогие сукна «взнес в хоромы» казначей И. Б. Камынин (Там же. Ф. 396. Оп. 2. Д. 252. Л. 84 – 85 об.).
- ³⁸ Письмо 12 июня и 14 июля 1677 г. (Там же. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Стб. 621. Сст. 10, 29).

- ³⁹ На двор кн. В. Ф. Одоевского «в церковь, что у него зделано на воротех» (Там же. Ф. 396. Оп. 2. Д. 725. Л. 32 — 33 об.).
- ⁴⁰ Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 24. Д. 159. Ст. 2.
- ⁴¹ Указ был объявлен 8 мая 1680 г. (РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Стб. 641. Ст. 779), а в боярский список записан 9 мая (Там же. Боярские списки. № 14. Л. 13 об. — 14).
- ⁴² *Богоявленский С. К.* Московский приказной аппарат. С. 44.
- ⁴³ Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 3109. Ст. 11.
- ⁴⁴ РГАДА. Ф. 210. Боярские списки. № 14. Л. 27.
- ⁴⁵ Там же. Л. 233.
- ⁴⁶ 14 декабря 1676 г. ухажбничим И. Б. Яковлеву и С. Г. Дохтурову (сыну думного дьяка Герасима Дохтурова) было велено сделать по шубе (Там же. Ф. 396. Оп. 1. Д. 16277. Л. 4).
- ⁴⁷ РГБ ОР. Ф. 67. Картон 26. Д. 88. Л. 49.
- ⁴⁸ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Стб. 501. Ст. 377.
- ⁴⁹ Там же. Стб. 509. Ст. 313.
- ⁵⁰ Там же. Стб. 484. Ст. 460, 626; Боярские списки. № 14. Л. 266, 332.
- ⁵¹ Там же. Ф. 396. Оп. 2. Д. 722. Л. 165 — 165 об.
- ⁵² Там же. Л. 166 об. — 167.
- ⁵³ Там же. Оп. 1. Д. 16311. Ст. 1 — 1 об.
- ⁵⁴ Там же. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Стб. 484. Ст. 1036; Боярские списки. № 14. Л. 233.
- ⁵⁵ Там же. Ф. 396. Оп. 2. Д. 727. Л. 168 об.
- ⁵⁶ Там же. Ф. 210. Боярские списки. № 21. Л. 9 об. Во время торжественных застолий обязанности чашников исполняли стольники: он подавали чаши гостям, а чашники из спальников — государю. Присвоение постоянного чина чашника спальнику С. И. Языкову, надо думать, закрепляло за ним обязанность подавать питье государю.
- ⁵⁷ Брак кнж. Авдотьи Ивановны Коркодиновой с С. И. Языковым состоялся в 1669 г. (Боярский род Колычевых. М., 1886. С. 231). Кн. И. М. Коркодинов стал главой Поместного приказа 7 ноября, а в окольнічие пожалован 21 декабря 1680 г. (РГАДА. Ф. 210. Боярские списки. № 19. Л. 6; *Богоявленский С. К.* Московский приказной аппарат. С. 129).
- ⁵⁸ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Стб. 621. Л. 14.
- ⁵⁹ Там же. Стб. 523. Ст. 76–77.
- ⁶⁰ Московская деловая и бытовая письменность. М., 1968. С. 19.
- ⁶¹ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 184. Л. 83 об.
- ⁶² РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 253. Л. 60 об.
- ⁶³ Грамотки XVII — начала XVIII века. М., 1969. С. 171.
- ⁶⁴ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 17844. Ст. 1. На следующий день И. М. Языков «приказал записать и денги выдать» назначенному стольнику «для скорой посылки» к Никону (Там же. Д. 17849. Ст. 1 — 1 об.). Следовательно, постельничий лично проследил, чтобы гонец к Никону благополучно отбыл.
- ⁶⁵ Там же. Д. 19419. Ст. 1.
- ⁶⁶ ДР. Т. IV. Ст. 174; РГАДА. Ф. 210. Боярские списки. № 17. Л. 5 об.
- ⁶⁷ *Богоявленский С. К.* Московский приказной аппарат. С. 200.
- ⁶⁸ В 1672 г. Андрей Яковлев сын Дашков просил не посылать московского дворянина П. П. Языкова межевать его спорную землю, потому что «Павел Языков Миките Акинфому дядя» (РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Стб. 721. Ст. 888).
- ⁶⁹ Там же. Боярские списки. № 18. Л. 7; *Богоявленский С. К.* Московский приказной аппарат. С. 86.
- ⁷⁰ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 873. Л. 41.
- ⁷¹ Там же. Л. 109. Еще раз пожалование жене, снохе и дочери И. М. Языкова из хором царицы состоялось 7 октября 1681 г. (Там же. Д. 803. Л. 186 об.). Происхождение супруги И. М. Языкова до сих пор не установлено; тем самым остается неясным одно из важнейших обстоятельств дворцовой жизни царствования Федора Алексеевича.

- ⁷² И. В. Большой Дашков назван «родным племянником» М. Т. Лихачева в челобитной Колтовских 1680 г. (Там же. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. Стб. 1037. Ст. 77); мать И. В. Дашкова Матрена Тимофеевна была родной сестрой братьев А. Т. и М. Т. Лихачевых.
- ⁷³ Там же. Боярские списки. № 19. Л. 14. И. В. Большой Дашков был человеком необычным: в 1672 г. его отец стольник В. Я. Дашков бил челом царю о том, что его старший сын жилец «прошася у него в Нилову пустыню или Святозерской монастырь постритца»; не получив разрешения отца, молодой жилец «из двора от него шпол неведомо куды». Царская грамота 1672 г. запретила самовольный постриг и потребовала возвращения блудного сына (Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2070. Ст. 1). Столь неординарный поступок молодого человека позволяет предполагать либо конфликт с отцом, либо сильное религиозное чувство.
- ⁷⁴ 13 января 1682 г. И. В. Большой Дашков «от великого государя ис хором сходил... и взял из сундука» атлас и «и запечатал тот сундук ево государевым перстнем» (РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 729. Л. 7 об.).
- ⁷⁵ Мать Марфы Матвеевны — Доминика Богдановна была родной сестрой Ивана и Степана Богдановых детей Ловчиковых. 23 апреля 1680 г. думный постельничий И. М. Языков «сказал» царский указ о пожаловании арзамасского воеводы С. Б. Ловчикова серебряным ковшом и 4 золотыми на его позолоту за воеводскую службу в Арзамасе (*Барсуков А.* Списки городовых воевод. С. 15; РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 19240. Л. 1).
- ⁷⁶ Н. И. Акинфов назвал С. Б. Ловчикова дядей в письме 12 сентября 1681 г. (РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Стб. 628. Ст. 763).
- ⁷⁷ *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 1991. Кн. VII. С. 303; РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Стб. 621. Ст. 241.
- ⁷⁸ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 20483. Ст. 1; Д. 20493. Ст. 1.
- ⁷⁹ Там же. Д. 20597, 20596.
- ⁸⁰ *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Кн. VII. С. 310.
- ⁸¹ РГАДА. Ф. 210. Боярские списки. № 8. Л. 113 об.
- ⁸² Там же. № 9. Л. 81 об.; № 10. Л. 106; № 11. Л. 104 об.; № 12. Л. 100 об.; № 14. Л. 105; № 14. Л. 138 об., 373 об. 541; № 15. Л. 162; Л. 325 об.; № 16. Л. 161 об.; № 17. Л. 170 об.; № 19. Л. 147 об.; № 21. Л. 15.
- ⁸³ Там же. № 14. Л. 158 об.
- ⁸⁴ Там же. Л. 392 об., 546; № 15. Л. 181, 331; № 16. Л. 179 об.; № 17. Л. 188 об.; № 19. Л. 159 об.; № 21. Л. 190 об.
- ⁸⁵ Там же. № 13. Л. 120 об.
- ⁸⁶ В справочнике С. К. Богоявленского М. С. Мертвого служил в Дворцовом приказе до смерти Б. М. Хитрово в 1680 г., а при новом главе приказа — боярине кн. В.Ф. Одоевском, он не указан. Однако в боярских списках его продолжали писать с пометой «в Судном дворцовом» вплоть до 1682 г. (РГАДА. Ф. 210. Боярские списки. № 14. Л. 152 об., 387 об., 545; № 15. Л. 176, 329 об.; № 16. Л. 174 об.; № 17. Л. 182; № 19. Л. 1554. № 21. Л. 186 об.; *Богоявленский С. К.* Московский приказной аппарат. С. 174).
- ⁸⁷ Пожалован 28 июля 1682 г. (РГАДА. Ф. 210. Боярские списки. № 21. Л. 11 об.).
- ⁸⁸ Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 3109. Ст. 19–21.

References

- Bogoyavlenskij S.K. Moskovskij prikaznoj apparat i deloproizvodstvo XVI–XVII vekov. [Moscow administrative office and office work of the 16th–17th centuries. In Russ.]. Moscow, 2006.
- Dvorcovye razryady. T. II, IV. [Palace ranks. Vol. II, IV. In Russ.]. Saint Petersburg, 1851–1855.
- Gramotki XVII – nachala XVIII veka. [Letters of the XVII – early XVIII century. In Russ.]. Moscow, 1969.
- Istoriya o nevinnom zatochenii blizhnego boyarina Artemona Sergeevicha Matveeva. [The story of the innocent imprisonment of the close boyar Artemon Sergeevich Matveev. In Russ.]. Moscow, 1785.

- Kashkin N.N. Rodoslovnnye razvedki. [Intelligence bloodlines. In Russ.]. Saint Petersburg, 1912. T. I.
- Kollins S. Nyneshnee sostoyanie Rossii // Utverzhdenie dinastii. [The current state of Russia // Approval of the dynasty. In Russ.]. Moscow, 1997.
- Mejerberg A. Puteshestvie v Moskoviyu // Utverzhdenie dinastii. [Travel to Muscovy // Approval of the dynasty. In Russ.]. Moscow, 1997.
- Moskovskaya delovaya i bytovaya pis'mennost'. [Moscow business and household writing. In Russ.]. Moscow, 1968.
- Posol'stvo Kunraada fan Klenka k caryam Alekseyu Mihajlovichu i Fedoru Alekseevichu. [Embassy of Kunraad fan Klenk to Tsars Alexei Mikhailovich and Fyodor Alekseevich. In Russ.]. Ryazan', 2008.
- Solov'ev S.M. Istoriya Rossii s drevnejshih vremen. [History of Russia since ancient times. In Russ.]. Moscow, 1991. Kn. VII.
- Tatishchev V.N. Istoriya Rossijskaya. T. VII. [Russian history. T. VII. In Russ.]. Leningrad, 1968.
- Zapiski inostrancev o vosstanii Stepana Razina. [Memoirs of foreigners about the uprising of Stepan Razin. In Russ.]. Leningrad, 1968.
- Zhitie protopopa Avvakuma. [Life of Archpriest Avvakum. In Russ.]. Moscow, 2011.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

П. В. Седов. Ближние люди царя Федора Алексеевича // Петербургский исторический журнал. 2021. № 1. С. 7–23

Аннотация: Статья посвящена ближайшему комнатному окружению царя Федора Алексеевича. На основе архивных данных автор выделил наиболее значимых государевых думных и ближних советников и проследил эволюцию этого круга лиц на протяжении данного царствования (1676–1682). Объявление придворными царских указов, а также государевы пожалования своим комнатным людям небольших сумм денег, дорогих тканей и украшений на парадную одежду позволили автору установить скрытые пружины придворного влияния. Автор приходит к выводу о том, что именно ближние люди представляли самодержцу кандидатов на ключевые должности в дворцовых хорамах. В этом проявились две стороны придворной элиты: ее прямая зависимость от самодержца и вместе с тем относительная самостоятельность в следовании своим родственным и клановым интересам.

Ключевые слова: царь Федор Алексеевич, Боярская дума, придворные.

FOR CITATION

P. V. Sedov. The close people of Tsar Fyodor Alekseevich // Petersburg historical journal, no. 1, 2021, pp. 7–23

Abstract: The article is devoted to the closest room environment of Tsar Fyodor Alekseevich. On the basis of archival data, the author identified the most significant sovereign дума and close advisers and traced the evolution of this circle of persons during this reign (1676–1682). The announcement of royal decrees by the courtiers, as well as the sovereigns granting small sums of money, expensive fabrics and decorations for ceremonial clothes to their room people, allowed the author to establish the hidden springs of court influence. The author comes to the conclusion, that it was the close people who presented the autocrat candidates for key positions in the palace mansions. This manifested two sides of the court elite: its direct dependence on the autocrat and, at the same time, relative independence in pursuing its kin and clan interests.

Key words: Tsar Fyodor Alekseevich, Boyar Duma, courtiers.

Автор: Седов, Павел Владимирович — доктор исторических наук, заведующий Отделом древней истории России СПбИИ РАН.

Автор: Sedov, Pavel Vladimirovich — Doctor of Sciences (History), Head of Medieval Russian history Division of the St Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences.

E-mail: sedovpv@rambler.ru